

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

ЧЕЛОВЕК

образ и сущность

Гуманитарные аспекты

ИНФОРМАЦИОННЫЙ УНИВЕРСУМ И САМОСОЗНАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

2016

Е Ж Е Г О Д Н И К

Москва

Проблемы человека

Коллектив авторов

**Человек. Образ и сущность
2016. Гуманитарные
аспекты. Информационный
универсум и самосознание
современного человека**

«Агентство научных изданий»

2016

Коллектив авторов

Человек. Образ и сущность 2016. Гуманитарные аспекты.
Информационный универсум и самосознание современного
человека / Коллектив авторов — «Агентство научных изданий»,
2016 — (Проблемы человека)

Компьютерная революция, создание сети Интернет влекут за собой глубинные сдвиги в традиционных духовных ориентациях. В ежегоднике представлены работы специалистов, раскрывающие особенности формирования самосознания человека в эпоху компьютеризации и угрозы духовной деградации современной цивилизации. Намечаются пути выхода из состояния духовного кризиса. Для специалистов в области философии и культурологи, всех интересующихся современными проблемами гуманитарного знания.

ББК 60.56

Содержание

Введение	5
Ежегодник «Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты»	5
Феномен человека	7
«Смерть философии»: Законы физики или сознание универсума?	7
Методологический потенциал фундаментальных антропологических констант	13
Идея сверхчеловека в современном мире	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты Информационный универсум и самосознание современного человека Ежегодник

Введение

Ежегодник «Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты»

Л.В. Скворцов

2016 год для редакции ежегодника «Человек: Образ и сущность» является пограничным, итоговым и нацеленным на новую перспективу. Рожденный в переломный период, когда Россия оказалась в ситуации глубокого кризиса государства и смены своих цивилизационных ориентиров, ежегодник стал тем академическим изданием, в котором публиковались результаты фундаментальных исследований ключевых проблем гуманитарного знания.

Гуманитарное знание, понятое как осмысление сущности цивилизации как определенной целостности, функционирующей в соответствии со специфическими кодами человеческого поведения, сохранения и изменения правил образа жизни народа, открывало новые теоретические перспективы определения функций государственной власти, роли культуры, диалога в жизни общества в условиях цивилизационного перелома, а также смысла коммуникации в условиях глобализации.

На страницах ежегодника нашли отражение проблемы семьи в динамике традиций и современных тенденций, взаимодействия гуманитарного знания и информации, тенденций формирования цивилизации киборгов.

Рождение информационного общества, связанное с возрастающим влиянием виртуальной реальности на поведение человека, получило эпистемологическое осмысление в анализе проблем когнитологии как особой дисциплины, изучающей влияние образов сознания на направленность деятельности человека как свободного субъекта.

Именно в этой ситуации проблема человека становится проблемой его *адекватной ориентации* в цивилизационной реальности. Человек оказывается перед угрозой глобального межцивилизационного конфликта, чреватого самодеструкцией человечества, с одной стороны, и фатального нарушения гармонии его жизнедеятельности с природой – с другой.

Гуманитарное знание в ежегоднике сегодня – это определение функций Истины, открывающей для современного человека позитивную перспективу его Бытия. В этом контексте сегодня встают проблемы роли метафизической сущности и роли слова, специфики традиции в информационном обществе и адекватности самосознания современного человека.

Освещение этих ключевых проблем жизни современного человека требует совершенствования форм работы ежегодника, повышения ее оперативности, установления и укрепления связей с зарубежными учеными.

Редколлегия ежегодника будет искать и находить пути решения этих проблем, стремясь и дальше удовлетворять запросы и потребности ученых, преподавателей вузов и широкой общественности, интересующейся современными проблемами гуманитарного знания.

*Главный редактор
профессор Л.В. Скворцов*

Феномен человека

«Смерть философии»: Законы физики или сознание универсума? (философский комментарий)

Л.В. Скворцов

В статье рассматривается ключевое утверждение книги «Высший замысел» о смерти философии. Авторы книги Стивен Хокинг и Леонард Млодинов считают, что Вселенная не нуждается в Творце, поскольку она подчиняется законам физики. Философские представления о сущности универсума замещаются М-теорией, которая рассматривается как семейство различных теорий. Сторонники этой теории предсказывают, что из ничего создается множество вселенных. В статье доказывается, что принцип детерминизма естественно-научного знания не допускает, что из *ничего*, как отсутствия события, может возникнуть *все*. Авторы оказываются перед философским парадоксом и вынуждены апеллировать к антропному принципу и концепциям великих философов, признавая, что мы находимся в критической точке истории науки, в силу чего необходимо изменить наше понимание целей и того, что делает физическую теорию приемлемой. Философия восстанавливает свои права.

Ключевые слова: смерть философии; М-теория; ничто; антропный принцип; жизнь.

The article shows the key statement of the book «The Grand Design» (2010) about death of philosophy. Authors of the book Stephen Hawking and Leonard Mlodinow consider that the Universe does not need the Creator as she submits to laws of physics. Philosophical ideas of essence of a universe are replaced with the M-theory which is considered as family of various theories, and at the same time foretelling that from nothing the set of the Universe is created. In article it is argued that the principle of a determinism of natural-science knowledge does not assume that from nothing as lack of an event, there can be all. Authors face a philosophical paradox and are forced to appeal to the anthropic principle and concepts of great philosophers, recognizing that we are in a critical point of history of science owing to what it is necessary to change our understanding of the purposes and what does the physical theory accepted. The philosophy restores the rights.

Keywords: death of philosophy; M-theory; nothing; anthropic principle; life.

Вышла в свет на русском языке книга «Высший замысел», автором которой является Стивен Хокинг, заведующий кафедрой института Исаака Ньютона в Кембридже. Соавтор книги – Леонард Млодинов, специалист по квантовой теории и теории хаоса (Хокинг, Млодинов, 2013).

Авторы книги ставят следующие вопросы: «Как понять мир, в котором мы “оказались”?.. В чем суть реальности? Откуда все это взялось? Нуждается ли Вселенная в Творце?.. Традиционно на такие вопросы отвечала философия. Но сейчас она мертва» (там же, с. 9).

Все образованные личности, причисляющие себя к кругу философов, должны испытать при чтении этого утверждения духовный шок.

Разум человека, как оказывается, ушел совсем в другую плоскость, оставив живым философам «хоронить» великих философов, которые в течение веков никак не хотели умирать. Однако и современные попытки окончательно похоронить классиков философии – Гераклита, Демокрита, Сократа, Платона, Аристотеля, Фр. Бэкона, Гегеля, Шопенгауэра, а также и философов XX в. – Б. Рассела, Карла Ясперса, Мартина Хайдеггера, Джона Дьюи, Людвиг Витген-

штейна и многих других, представляются совершенно неблагодарной и непосильной задачей даже для таких интеллектуальных гигантов, как Стивен Хокинг.

В чем Стивен Хокинг видит причину смерти философии? Он видит ее в коренном изменении картины мира, которое произошло с рождением квантовой теории, образное определение которой дал Ричард (Дик) Фейнман (1918–1988). Фейнман работал в Калифорнийском технологическом институте и играл на барабанах банго в стрип-клубе (Хокинг, Млодинов, 2013, с. 11). По Фейнману, «система мира имеет не одну-единственную историю, а все, какие только возможны» (там же).

Если это утверждение считается *научным* с точки зрения методологии исследования, то тогда нам следует пересмотреть исходные принципы этой методологии. Со времен Фр. Бэкона аксиомой стало представление о том, что исходным основанием истины научной методологии является *эксперимент*. Если утверждается в качестве истины, что система мира имеет все истории, какие только возможны, то мы исключаем возможность экспериментальной проверки этого утверждения. На самом деле все возможные истории мира допускают неопределенность, поскольку мы не знаем и не можем знать конца истории. Если кончается наша человеческая история, то кончается и процесс нашего человеческого познания. Но это не значит, что исчезает и система мира, в которой человеческая история составляет лишь определенную часть, и, видимо, не самую значительную.

В любой момент времени в силу ограниченности бытия экспериментатора невозможно эмпирическое, экспериментальное познание всех возможных историй мира. А это значит, что мы не можем точно знать, действительно ли существуют *все* истории мира здесь и сейчас. Знание системы мира уходит в сферу возможного. Возможное не значит действительное. Если мы стоим перед познанием возможного и невозможного, то уходим за пределы данной нам физической реальности, а это уже сфера *метафизики*. Метафизика, как известно, – это неотъемлемая область *философии*. Стало быть, когда мы говорим, что сейчас философия мертва, мы тем самым утверждаем, что *представление Дика Фейнмана о системе мира является мертвым представлением*. Видимо, играя на барабане в стрип-клубе, Дик Фейнман несколько увлекся поэзией философского мышления. На самом деле его представление обретает жизнь только в сфере философского познания.

Это, конечно, не значит, что рассуждения Дика Фейнмана следует выбросить за борт. Просто следует дать им адекватную характеристику. Подобно тому как Иисус Христос возродил к жизни мертвого Лазаря, Дин Фейнман сделал шаг в направлении возрождения к жизни философии.

Стивен Хокинг и Леонард Млодинов также совершают ритуальное действие воскрешения философии, когда выдают традиционную методологию философии за методологию естественнонаучную. Это специфическая форма похищения чужой собственности. Но философы при этом не демонстрируют обиды, поскольку фиксируют наличие философского мышления в рассуждениях тех, кто утверждал, что философия «мертва». Когда сторонники смерти философии утверждают, что «простое восприятие реальности несовместимо с современной физикой» (Хокинг, Млодинов, 2013, с. 11), то они невольно воспроизводят философскую концепцию Платона, представленную в известном образе «Пещеры». Не заметить этого просто невозможно. И это подтверждается утверждением авторов о том, что «в истории науки мы видим последовательность все более улучшающихся теорий, или моделей мира: от Платона до классической теории Ньютона и до современных квантовых теорий». Таким образом, в истории науки имя Платона стоит первым, наряду с именем Ньютона. Если мы не похоронили Ньютона, то почему мы должны «закопать» философа Платона?

Можно утверждать, что философия мертва, если ее многообразные представления о сущности универсума можно вытеснить единой физической теорией. К этому заключению и приходят авторы.

Оказывается, философские представления о сущности универсума могут быть замещены так называемой *М-теорией*. Это – модель, которая обладает всеми свойствами, которыми должна обладать *окончательная* теория. Это значит, что мы стоим на пороге достижения *абсолютного знания*.

Достижение абсолютного знания – это давняя мечта философии. Более того, эта мечта получила свою конкретную реализацию в философской системе Гегеля. М-теорию мы должны рассматривать как новое прочтение гегельянства. Но в отличие от целостной гегелевской системы М-теория рассматривается как «целое семейство различных теорий» (там же, с. 12). Утверждается, что составляющие теории, даже если они выглядят сильно отличающимися друг от друга, могут рассматриваться как различные аспекты одной и той же общей теории (там же, с. 13).

В философии представлены сильно отличающиеся друг от друга концепции сущности универсума. Они рассматриваются как аспекты единой *истории* философии.

Вместе с тем это – свойство философской доктрины *эклетицизма*.

В чем заключается концептуальная сущность М-теории? М-теория дает ответ на вопрос о *сотворении мира*. Она содержит положение, что *из ничего* было создано огромное множество вселенных (Хокинг, Млодинов, 2013). Эти многочисленные вселенные возникают естественным путем в соответствии с законами физики без влияния Бога. Как из ничего возникает все, какие естественные законы здесь вступают в действие? Это – вопрос не праздный, поскольку НИЧТО – это отсутствие события. Отсутствие события само по себе не может быть причиной рождения физического явления. Если такое рождение все же происходит, то оно относится к классу *чудесных явлений*. Субъект, способный инициировать чудесные явления, – это сверхъестественное существо. Между тем авторы утверждают, что для сотворения огромного множества вселенных не требуется вмешательства сверхъестественного существа.

Но если в качестве исходного основания сотворения Вселенной полагается *НИЧТО*, то тогда происходит деструкция принципа детерминизма, который лежит в основании действия законов, управляющих эволюцией Бытия. И в этом случае описание сотворения Вселенной становится воспроизведением в новых лингвистических формах сущности того представления, которое содержится в первой книге Бытия.

А это значит, что освобождение знания от теологических представлений оказывается не столь уж радикальным, как это декларировалось.

И на помощь вновь приходит философ. И это не кто иной, как Фалес, который «впервые выдвинул идею о том, что мир можно понять, что сложные события вокруг нас можно свести к простым принципам и объяснить, не прибегая к мифологическим или теологическим толкованиям» (Хокинг, Млодинов, 2013, с. 22). «Ученые Ионии, – утверждают авторы, – пытались рационально объяснить те или иные законы природы и во многих случаях пришли к заключениям, удивительно похожим на наши, сегодняшние, полученные с помощью иных, усложненных методов» (там же). Авторы отдают должное Пифагору, Анаксимандру, Эмпедоклу, Демокриту, Аристарху Самосскому и другим философам. И вместе с тем высказывается общий упрек, что они не разработали научного метода: их теории строились без расчета на экспериментальную проверку (там же, с. 27). Но при этом можно было бы добавить, что ориентация на экспериментальную проверку была обоснована и разработана философом, а именно – Френсисом Бэконом.

Авторы, с одной стороны, высказывают уверенность в том, что теория, о которой они рассказывают, может быть проверена (там же, с. 163). Но, с другой стороны, они считают, что нужны «более точные измерения, чтобы подтвердить теорию или от нее отказаться». «Похоже, мы находимся в критической точке истории науки, и нам следует изменить наше понимание целей и того, что делает физическую теорию приемлемой» (Хокинг, Млодинов, 2013 с. 164).

Так возможна ли экспериментальная проверка *окончательной* теории?

Если мы приходим к изменению нашего понимания целей теории и того, что делает физическую теорию приемлемой, то это значит, что мы можем допустить, что в современных представлениях теория рождения универсума может быть признана *неприемлемой*. Имплицировано признается, что физическая теория рождения Вселенной может быть признана «мертвой». Но если она «умирает», то тогда и ее носители лишаются статуса носителей живой истины.

Что заставляет авторов принять, казалось бы, странное допущение, что современные представления о происхождении и функционировании Вселенной могут быть признаны неприемлемыми?

Это – признание реальности *антропного принципа*, кардинально изменяющего функции физических законов эволюции Вселенной. Речь идет о *факте жизни*, объяснении условий и возможностей ее возникновения. А это уже и проблема условий и предпосылок возникновения феномена человека.

Как оказалось, вся естественная структура, окружающая человека, «выстроена» специфическим образом, определяющим возможность существования и эволюции человеческой цивилизации.

Более того, возникновение жизни во Вселенной требует исключительных условий, в которых малейшие изменения чреваты невозможностью существования жизни. Возникает закономерный вопрос: если происхождение и эволюция Вселенной определяются действием физических и только физических законов, то как следует понимать целенаправленный характер эволюции, приводящей к возникновению и сохранению жизни, а в конечном итоге и человека?

Авторы констатируют реальность открытых физической наукой «странных» фактов. «Большинство фундаментальных констант, – пишут они, – фигурирующих в наших теориях, выглядят точно настроенными в том смысле, что если изменить их на совсем незначительные величины, то Вселенная была бы качественно другой и во многих случаях непригодной для развития жизни» (Хокинг, Млодинов, 2013, с. 182).

Два примера: если бы слабое ядерное взаимодействие было бы значительно слабее, то в ранней Вселенной весь водород превратился бы в гелий, и поэтому не существовало бы нормальных звезд; а если бы эта же сила была значительно сильнее, то взрывающиеся сверхновые звезды не могли бы засеивать межзвездное пространство тяжелыми химическими элементами, которые требуются для создания жизни.

Стивен Хокинг и Леонард Млодинов утверждают, что будь протоны на 0,2% тяжелее, они распались бы на нейтроны, дестабилизируя атомы. «Наша Вселенная и ее законы выглядят так, словно они сделаны на заказ по проекту, разработанному специально для нас, а раз уж нам дано существовать, – утверждают авторы, – то они оставляют мало места для каких-либо изменений. Это нелегко объяснить, и возникает естественный вопрос: почему же это так?» (Хокинг, Млодинов, 2013, с. 185). Поскольку кажется, что ответить на этот вопрос, опираясь только на физические законы, невозможно, постольку вступают в силу представления философии. Ведь еще Анаксагор утверждал, что Вселенная управляется Разумом. Это – Нус, действие которого дает объяснение адекватности антропного принципа.

Как оказывается, и предшественник Стивена Хокинга на кафедре Кембриджа великий Исаак Ньютон полагал, что наша странным образом пригодная для жизни Солнечная система *не возникла из хаоса всего лишь в соответствии с законами Природы*.

Как это утверждение превратить в научный принцип? Для этого нужно признать, что сам факт нашего существования ограничивает характеристики окружения, в котором мы находимся. Получается, что это *мы* диктуем качества той среды, в которой мы только и можем существовать. Значит ли это, что человек превращается в *сверхчеловека*, заместителя Бога на земле, в творца той среды, в которой он выживает?

Конечно, человек – творец окружающей его среды, но по своим масштабам эта среда крайне незначительна сравнительно с масштабом Вселенной. Антропный принцип может

использоваться для таких научных предсказаний, как необходимость начальных стадий развития Вселенной; таких химических элементов, как углерод; а также предсказаний возраста Вселенной. Это – проявления действия слабого антропного принципа.

Согласно сильному антропному принципу, сам факт нашего существования налагает ограничения не только на окружающую среду, но и на возможные формы и содержание самих законов Природы (Хокинг, Млодинов, 2013, с. 176–177). Первый требующий нестандартного объяснения вопрос: как возникли тяжелые химические элементы, особенно углерод, из первичных элементов, оставаясь стабильными миллиарды лет? Ведь Вселенная в начальной стадии была полностью *однородной*. Звезды и галактики выросли из семян крохотных неоднородностей в ранней Вселенной, которая была почти полностью однородной. Но в ней имелись отклонения в плотности (примерно 1 частица на 100 тыс.) (Хокинг, Млодинов, 2013, с. 176–177).

Итак, мы пришли к представлениям древнегреческого атомиста Демокрита, который признавал прямолинейность движения атомов в Пустоте. Диоген Лаэртский, свидетельствуя о жизни и учениях знаменитых философов, излагал теорию Демокрита, отмечая, что, согласно Демокриту, «причина всякого возникновения – вихрь, и этот вихрь он называет неизбежностью» (Диоген, 1976, с. 373).

Казалось бы, атомы в Пустоте должны двигаться прямолинейно, не сталкиваясь друг с другом. Однако столкновение происходит, и образуются вихри, из которых и возникают небесные тела.

И лишь спонтанные отклонения отдельных атомов могли объяснить возникновение всего многообразия материального мира. Бессмертное философское открытие свободы? Обсуждая действие сильного антропного принципа, авторы ссылаются на теоретическое заключение британского астронома Фреда Хойла (1915–2001), который писал: «Я не верю, что любой ученый, исследующий факты, будет не в состоянии сделать вывод о том, что законы ядерной физики были сознательно разработаны применительно к последствиям того, что они вызывают внутри звезд» (Хокинг, Млодинов, 2013, с. 180). Сильное утверждение.

Как оказывается, при изменении величины сильного ядерного взаимодействия всего на 0,5% или электромагнитной силы на 4% во всех звездах был бы разрушен почти весь углерод либо же весь кислород, а следовательно, утратилась бы возможность возникновения жизни в том виде, какой известен нам (Диоген, 1976, с. 181).

Если бы не ряд удивительных совпадений в точных деталях физических законов, то, похоже, люди и сходные с ними формы жизни никогда бы не появились (там же, с. 183).

Таким образом, высокий исследователь утверждает, что законы ядерной физики были «сознательно разработаны». Это утверждение ставит под вопрос исходные установки теоретических заключений Стивена Хокинга и Леонарда Млодинова. От них мы так и не узнали, почему есть что-то; мы не знаем, почему существуем; мы не знаем, почему существует именно этот конкретный набор законов.

Значит, мы не имеем ответа на главный вопрос Жизни и вынуждены вновь вернуться к живым философским размышлениям.

Авторы предлагают опираться на идею моделезависимого реализма, т.е. исходить из интерпретации сигналов, поступающих от органов чувств, путем построения модели внешнего мира. Эти эмпирические построения и считаются той единственной реальностью, которую мы можем знать. Тем самым хорошо построенная на эмпирическом основании модель создает собственную реальность. Но проникает ли знание этой реальности в сущность Бытия? Это тот вопрос, который и поставил Платон и на который он дал свой ответ, следуя мудрости великого Сократа.

Авторы же возвращают нас к досократикам, увидевшим сущность бытия в Воде, в Огне, в Воздухе или в неопределенности субстанции апейрона. Тем самым нас возвращают к исходному пункту движения философской мысли. Из этого круга нас не может вывести та игра

«жизнь», которую предложил кембриджский математик Джон Конвей. Игра «жизнь» открывает сложные конструкции, способные к самовоспроизведению и, как представляется, к имитации сознания. Игра «жизнь» подводит к заключению, согласно которому невозможно отличить сложного робота от реального человека. Все определяется уровнем сложности конструкции.

Как определить, обладает ли сложное существо, такое как инопланетянин, свободной волей? «А поскольку инопланетянин размером с человека содержал бы около тысячи триллионов триллионов частиц, даже если бы он был роботом, то было бы невозможно решить уравнения и предсказать, что он будет делать. Поэтому мы должны сказать, что любое сложное существо обладает свободой воли, имея в виду, что это есть не его фундаментальное свойство, а лишь признание нашей неспособности произвести расчеты, которые позволили бы нам предсказать его действия» (Диоген, 1976, с. 201–202).

Таким образом, авторы *обещали знание сущности вещей, точное знание, в отличие от философского*, а пришли к *эмпирической основе реального знания и признанию, что на этом основании в сущность бытия проникнуть невозможно*. Но эта истина была засвидетельствована уже Платоном.

Если конечный вывод Хокинга и Млодинова совпадает с истиной, давным-давно открытой философией, то означает ли это, что эта истина воскресла из идей мертвых досократиков и нужно к ним вернуться? Но вернее было бы обратиться к исследованию специфики философской истины и овладению этой истиной? Способность оперирования философской истиной позволяет избегать самоуверенности физика, который объявляет о смерти философии. Методологическая скромность позволяет расширить горизонт концептуального самосознания и увидеть космологический смысл рождения человека как той формы, которую обретает самосознание универсума. Универсум может видеть и оценивать себя в зеркале сознания, носителем которого становится человек. И эта оценка обретает форму философского знания. Эта форма знания не может умереть, пока существует Вселенная с ее потребностью самосознания, зеркального самопонимания, обретающего характер становящегося процесса, носителями которого и являются великие философы.

Мы не знаем, обладает ли этим свойством посетивший Землю инопланетянин, независимо от того, является он роботом или не является. Но, следуя логике физиков, можно признать, что Вселенная может обладать свободой решений, а значит, и той формой сознания, которая определяет реальность ее целостности и внутренней гармонии. Таким образом, из действия только физических законов рождается их специфическое самоотрицание. Что это означает для цивилизационной эволюции? Если мы признаем Истину М-теории и вытекающие из нее логически следствия, то тогда современная самоуверенная политика глобального гегемонизма, требующая исторического единства и игнорирующая модель М-теории, обладающей качеством окончательной, соединяющей семейство различных теорий, выглядит как проявление крайнего философского обскурантизма.

Можно ли провести аналогию с гипотетическим вирусом в организме человека, полагающим себя **центром** бытия? Самосохранение и размножение этого вируса представляются глобальной целью жизни человеческого универсума.

Список литературы

1. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М.: Мысль, 1979. – 620 с.
2. Хокинг С., Млодинов С. Высший замысел. – СПб.: Амфора, 2013. – 208 с.

Методологический потенциал фундаментальных антропологических констант

Л.Е. Моторина

В статье показано методологическое значение фундаментальных антропологических констант: самоидентичность, самотрансценденция, целостность, открытость, духовность, телесность, творчество, свобода; рассматривается взаимосвязь понятий: антропологические константы, антропологический стандарт, антропологический критерий; раскрывается методологический потенциал данных категорий в условиях антропологического кризиса и развития гуманитарных технологий.

Ключевые слова: человек; самоидентичность; самотрансценденция; целостность; открытость; духовность; телесность; творчество; свобода; антропологический стандарт; антропологический критерий; гуманитарные технологии.

The article shows the methodological significance of the fundamental anthropological constants, such as self-identity, self-transcendence, integrity, openness, spirituality, physicality, creativity and freedom; considers the relationship of the following concepts: anthropological constants, anthropological standard and anthropological criterion; and reveals methodological potential of these categories in terms of the anthropological crisis and development of humanitarian technologies (hi-hume).

Keywords: human; self-identity; self-transcendence; integrity; openness; spirituality; physicality; creativity; freedom; anthropological standard anthropological criterion; humanitarian technologies.

Кризис современной культуры, стремительное развитие гуманитарных технологий, содержанием которых является радикальное изменение не только сознания, но и телесности человека, вновь актуализируют антропологическую проблематику. Методологическим основанием анализа любой формы бытия человека являются фундаментальные антропологические константы, определяющие для конкретной эпохи, континента или региона «антропологический стандарт» (Моторина, 2015, с. 120–121). Фундаментальные антропологические константы – это определенные границы, при разрушении которых человек перестает быть человеком. Если не сохраняются постоянные параметры, определяющие сущность человека, он перестает существовать как собственно человек... «Пренебрежение константами человеческой природы ставит под вопрос перспективы человека как родового существа. Пренебрежение осознанием своей человеческой сущности и своей космопланетарной миссии может привести к вырождению самой *идеи* человека» (Самохвалова, 1999, с. 32). Другими словами, фундаментальные антропологические константы, антропологический стандарт и антропологический критерий в современных условиях обретают все большую методологическую «нагруженность».

Самоидентичность и самотрансценденция являются основными константами, позволяющими осуществить категориальное моделирование целостного человека в единстве его онтологических различий. Категории «самоидентичность» и «самотрансценденция» являются, прежде всего, методологическим основанием для концептуального различения человека внешнего и человека внутреннего, а также познавательных средств исследования их единства и различий. «Самоидентичность» – это свойство человека «внутреннего», или «Я», раскрывается в отношениях человека к самому себе. Самоидентичность предполагает согласие человека с самим собой, гармонию его желаний, духовных устремлений, ценностей и поступков, единство самооценки и самоактуализации. Самоидентичность определяет то, насколько человек может реализовать себя в жизни и от этого ощутить себя счастливым или несчастным. Всякое рассогласование между целями, желаниями, ценностями и поступками

приводит человека к тревоге и тягостным ощущениям того, что он совершил неверный поступок. Эту сторону бытия можно обозначить как «мир человека».

«Самотрансценденция» выражает постоянное стремление человека преодолеть свои собственные границы и трансцендировать себя в различные сферы бытия: в мир предметов, в мир человеческих отношений, в мир абсолюта. Богатство «Я» любого человека определяется тем, насколько он вовлечен в мир. Человек изначально ориентирован на мир, в котором он существует, черпает в нем смысл и основные ценности, учится жить и действовать по-человечески, осуществлять себя в этом бесконечном мире, расширяя тем самым свою конечность. Эту сторону бытия можно определить как «человек в мире». Антропологические константы – самоидентичность и самотрансценденция – позволяют рассмотреть «мир человека» и «человека в мире» в их неразрывном единстве и взаимопроникновении как основные онтологические различия единой антропологической целостности.

Рассмотрим другие фундаментальные антропологические константы: целостность, открытость, духовность, телесность, свобода, творчество. В данном контексте целостность человека – это не просто сумма его атрибутивных характеристик (физических, психических, социальных, культурно-исторических и других). Она означает, прежде всего, его причастность другой, более фундаментальной целостности (Космосу, Богу, Абсолюту, Миру, Природе, Бытию). Идея целостного человека всегда была связана с представлением о трансцендентном Абсолюте. Выйдя из-под власти Абсолюта, человеческая личность на определенном этапе сама захотела обрести функции Абсолюта. Но Абсолют всемогущ и бесконечен, а человеческий индивид конечен и совсем не всемогущ. Став сам трансцендентным Абсолютом, человеческий индивид перенес все смыслы мира в себя, и они стали исключительно субъективными. Возникло противостояние жаждущего преобразований субъекта и мертвого и опустошенного мира-объекта. Это противостояние обернулось разрывом целого. Точка зрения целого уступила место точке зрения части. Перемена точки зрения на мир означала, что часть обрела самостоятельное значение по отношению к целому. Постепенно стал нарастать процесс дробления человека, и на место целостного человека приходит частичный человек. Ценность частичного человека порой становится выше, нежели ценность целостного человека. Мы, жители XXI в., продолжаем дробиться. Целостность разваливается, и за этим видится незавидная судьба его частей.

Исследуя этимологию слов «часть» и «целое», известный филолог и философ В.В. Бибихин в книге «Узнай себя» раскрывает изначальный смысл понятия «часть»: это что-то оторванное, «отгрызенное». Он пишет, что часть, как нечто, отделенное от целого, обратно к целому не прирастает, поскольку целое, от которого «отгрызена» часть, повреждено невосвратно (Бибихин, 1998, с. 142).

Если ненужная часть отделена, то целое исцелено, здорово (Бибихин, 1998, с. 155). Вытеснение этих исторических значений произошло не случайно, так как в наше время мы имеем дело в основном с «оторванным», поврежденным (как бы с глобальной патологией) и уже не можем по-другому. Мы привыкли механически складывать части в целое. Мы даже согласны с тем, что целое продолжает существовать и после отрыва частей, а части поддаются замене и суммированию. Осознание значимости данной антропологической константы позволит в настоящее время более глубоко осмыслить стратегии преодоления все углубляющегося дробления отношений человека к самому себе и к миру.

Целостность и самотрансценденция человека неразрывно связаны с такой фундаментальной антропологической константой, как открытость миру. Открытость человека миру представляет собой его стремление выйти за границы наличного состояния, с его способностью трансцендирования. Животные ограничены средой обитания, человек же преодолевает ограничения среды и выходит в открытый мир, осознавая его именно как мир. М. Шелер связывал открытость человека миру с его онтологической свободой, при которой базовой ценностью

становится стремление к творчеству. Проблеме открытости человека миру большое внимание уделял и М. Хайдеггер. Выражаясь его словами, человек как бы брошен в свою собственную открытость. Быть человеком – значит «быть в мире», быть всегда «распахнутым» этому миру. Степенью присутствия определяется время человека и вмещаемого им мира. Чем человек более открыт миру, тем дольше сохраняется его продуктивное и полноценное существование. В конце своей жизни человек должен обладать невероятной волей, чтобы противостоять тенденциям, превращающим его в закрытую систему, стягивающую как канатами его изначальную «распахнутость» миру.

Категории «духовность», «творчество», «свобода» выступают в качестве своеобразных «ключей» к пониманию специфики человека. Духовность человека, возвышая его над остальным тварным миром, создает возможность творить собственную историю и культуру. Надо отметить, что категория «духовность» достаточно многозначна. В литературе существует большой разброс мнений. Дискуссии в основном идут вокруг вопроса: является ли духовность имманентной чертой человека или дарована ему извне как некая объективная данность, к которой он постоянно стремится?

«Начало духовности в человеке, – писал В. Зеньковский, – не есть отдельная сфера, не есть некая особая и обособленная жизнь, а есть творческая сила, энтелехийно пронизывающая собой жизнь человека...» (Зеньковский, 1993, с. 46). «Существенное и основное в духовности – это поиск Бесконечного и Абсолютного. Это искание есть самое основное и глубокое в нас, есть тот неистощимый и неистребимый источник вечной жизни, присущий духу, который не затухает и не замирает и у тех, кто в своем сознании отвергает Абсолютное и Бесконечное» (там же, с. 50).

Представители другого подхода раскрывают социокультурное измерение духовности вне связи ее с каким-либо абсолютom. «Для нас исходным и основополагающим, – писал В.С. Барулин, – является именно реальный, живой, духовный человек во всем богатстве граней своего бытия» (Барулин, 1994, с. 108). В.С. Барулин рассматривал духовность как основу человека, выделяя при этом несколько «пластов анализа»: духовность как форма человеческого самосознания; духовность как основа формирования у человека базовых ценностей; духовность как форма освоения социального опыта; духовность как импульс и содержание творческой деятельности человека (там же, с. 144). При этом он выделял такие характеристики духовности: ее всеобъемлющий характер, идеальность и то, что она существует как внутренний мир человека, как «Я». Духовная данность характеризуется «соприсутствием», «соучастием», она включает в себя нравственные и ценностные ориентиры. Духовную данность можно назвать также сферой смысла.

Телесность человека определяется континуумом его жизненного мира. Жизненный мир – это неотчужденная реальность, в которой изначально живет человек. Жизненный мир имеет пространственно-временное измерение. Именно через пространство человек обретает актуальность своего существования. Первое пространство и первая связь с миром – это биологическое тело. Важнейшей формой пространства, определяющей человека, является также **дом**, который имеет для человека, пожалуй, **главную ценность**. Дом – это не мир вообще, а мир человека. Это такое место, где человек является не наблюдателем, а хозяином. В нем все выстроено по образу и подобию хозяина, соответствует его индивидуальности, его потребностям и мечтам. Дом – это не столько физическое место, сколько культурное и экзистенциальное пространство. В нем человек занимает центральное положение, а все остальные люди могут быть лишь гостями. Человек может жить в своей квартире и ощущать себя бездомным, с другой стороны, на работе, в гостях человек может почувствовать себя как дома. Дом защищает человека и обеспечивает ему безопасность. Нападение на дом человек рассматривает как нападение на себя самого.

Рассмотренные фундаментальные антропологические константы позволяют осуществить категориальное моделирование человека, т.е. определить проблемное поле, очертить его границы и выявить направления исследования. В своем единстве они охватывают оба мира: «мир человека» и «человека в мире» как единую антропологическую целостность, существующую в форме открытой системы (Моторина, 2015, с 121).

Методологический потенциал фундаментальных антропологических констант особенно востребован в наше время, когда с развитием гуманотехнологий (hi-hume) под вопросом оказался сам человек, его существование. К «гуманотехнологиям» сегодня относят такие проекты, как: «геном человека», «протеом человека», «нанотехнологии», «инфотехнологии», «наномедицина», «нейротехнологии» и др. В рамках данных проектов уже реализуются технологии: генетическое программирование, технологии рекомбинантных молекул ДНК, технологии РНК-интерференции, технологии клонирования, трансгенеза, наномедицинские, нейронно-медийные, компьютерно-сетевые и др. Особое внимание уделяется взаимодействию человеческого мозга и компьютерных сетей, и даже рассматривается возможность переноса личности на компьютерный носитель.

Гуманотехнологии, которые называют еще *сверхтехнологиями*, действительно расширяют возможности человека и при определенных условиях могли бы привести к решению многих проблем, связанных с давними мечтами человечества: продлением продолжительности жизни, борьбой с болезнями, способностью человека до глубокой старости оставаться активным и деятельным и т.д. Вместе с тем человеческая история уже не раз доказала нам, что всякий прогресс ведет не только к количественному и качественному улучшению бытия человека в мире, но и к возникновению угрозы существования человечества, связанной с рисками и экзистенциальной напряженностью.

Реализация нанобиогенонейроинформационных и других свертехнологий создает проблемное поле философии XXI в., да и всей гуманитарной науки. В эпицентр этого поля все более смещаются сложные экзистенциальные, морально-этические, мировоззренческие и другие гуманитарные дисциплины. Этот усложняющийся комплекс вопросов превращается в ось всей мировой философии, которая направляет свои усилия на междисциплинарные исследования человека, на разработку методологии, открывающей новые стратегии и пути решения возникающих вопросов об участии человека в мире.

В рамках небольшой статьи невозможно очертить все проблемы, которые здесь возникают, вместе с тем хотелось бы заострить внимание на самом главном вопросе, а именно: приведут ли свертехнологии (гуманотехнологии) к возникновению так называемого *нового существа* (постчеловека), определяемого в таких терминах, как: киборг, клон, мутант, агент нейронной сети и т.д., или «человек будущего» – это *современный человек, переходящий в новую посттехнологическую эпоху*? Такого человека, естественно, ждут небывалые трансформации во всем его жизненном пространстве и в нем самом, но при этом *он остается человеком с сохранением основных антропологических констант*. Думается, более верным является второе утверждение.

Методология исследования человека показывает нам, что человек как *антропологическая целостность* не может быть абсолютно объективирован, т.е. полагаться в качестве объекта исследования, преобразования или управления. Любое научное знание о человеке, любая жизненная практика есть лишь *отдельная проекция* человека. Если мы будем механически складывать *проекции* (например, данные о человеке, полученные различными науками), то придем к глубоко ошибочным выводам (5, 94). *Человека как антропологическую целостность* нельзя задать в качестве модели с помощью рациональных средств (всегда будет оставаться принципиально необъективируемый остаток), а отсюда следует вывод, что целостного человека нельзя искусственно создать. Можно лишь воспроизвести, трансформировать (даже посредством свертехнологии типа hi-hume, где объектом является сам человек) лишь отдельную

его проекцию. Известный философ М. Мамардашвили определял человека как *незавершенную возможность*. Всякое другое определение, по его мнению (включающее попытку обозначить сущность человека или полностью воспроизвести его рациональными средствами), только укрепляет в человеке *наличное знание* о нем, *накладывает на него ограничения в границах достижимого* (Мамардашвили, 1991, с. 14–15). Человек как *постоянное стремление к преодолению своего наличного бытия и как незавершенная возможность* невоспроизводим в абсолютном смысле ни с помощью технического, ни с помощью технологического инструментария, а следовательно, объекты, которые могут возникнуть в результате гуманотехнологий, не будут представлять собой ни человека, ни постчеловека.

Методологической исходной стратегией очерчивания проблемного поля, связанного с понятием человека будущего, является осмысление контекста проблемы: наступающая «технологическая революция» не является для человека принципиально новой жизненной практикой, в ней проявляет себя роковое для человека (по выражению Фрейда) *противоречие между его творческой сущностью и результатами его деятельности*. Это противоречие было присуще человеку на протяжении всей его истории. Угрозы и риски связаны с тем, что результаты человеческой деятельности отчуждаются от человека, создают как бы свой особый мир, функционирующий по своим законам (мир техники). В этом смысле существа, которых человек создаст, реализуя сверхтехнологии, будут представлять собой не что иное, как результаты человеческой деятельности. Назовем их *«суперсложные генетически или информационно программируемые системные объекты»*. Они, несомненно, изменят образ жизни человека на всей планете, его самого и столкнут человека с небывалыми угрозами его бытию в мире. Возникновение этих *суперсложных системных объектов* неизбежно поставит задачу их управляемости; выявления факторов эффективности управляемости; разработки принципов их взаимодействия; анализа системы угроз и рисков, связанных с возможностью дальнейшего существования человечества.

Рассмотрим пример, когда специалист в области геномной инженерии становится неким «генетическим дизайнером» и в одностороннем порядке принимает решения, которые задают основания и границы органических, психофизиологических и других черт будущего индивида. Генетически программируемая личность не будет ощущать себя безусловным творцом своей собственной судьбы или истории жизни. Отсюда становятся под вопрос такие основополагающие антропологические константы, как самоидентичность (образ «Я»), творчество, свобода, открытость, целостность и др. Неизбежно произойдет перераспределение «Я» между двумя субъектами (программистом и программируемым субъектом), что приведет к расщеплению идентичности, которая является необходимой антропологической основой механизмов, формирующих самосознание, самооценку, нравственные нормы, ценности и идеалы личности. Важным методологическим основанием в этих условиях становится разработка *антропологического критерия разграничения сфер: сферы человека и орудийно-технологической сферы*. Сфера «генетически и информационно программируемых системных объектов» должна сохранять свою служебную роль (роль средства), тогда как *основные антропологические константы* – оставаться прерогативой человека. Говоря словами С.С. Хоружего, главным делом человеческой ответственности в первую очередь становятся не сами технологические стратегии, а *стратегии выбора стратегий* (Хоружий, 2008, с. 31).

К концу нашего столетия человека ждут действительно непредсказуемые перемены. Осмысливая заново «свою человечность», ему самому придется делать выбор: что в этой новой для него жизни должно быть строго хранимым (традиции), а что – стремительно обновляться (новации). Человек в своей истории не раз стоял перед таким выбором, разве что по мере развития он становится все более трудным.

Проблема *антропологического критерия* разграничения приемлемых и неприемлемых для человека трансформаций имеет не только научный, но и социальный, политический и

идеологический аспекты. Сохранение фундаментальных антропологических констант предполагает не только повышение ответственности ученых или конкретных специалистов в области генного и информационного программирования так называемых «людей будущего», но и развитие *международно-правовой системы запретов на конкретные технологии* по аналогии с запретами на испытание ядерного, биологического и химического оружия, которые сыграли свою позитивную роль в судьбе человечества.

Современная философская антропология, методологическим основанием и теоретическим ядром которой и являются фундаментальные антропологические константы, призвана *генерировать* такие идеи, на основе которых возможно создание адекватных стратегий анализа, «диагностики» и своего рода «терапии» процессов, затрагивающих *производство и воспроизводство человеческого*, включая его духовные, этические, психические и телесные характеристики.

Список литературы

1. Барулин В.С. Социально-философская антропология: Общ. начала социал.-филос. антропологии. – М.: Онега, 1994. – 252 с.
2. Бибихин В.В. Узнай себя. – СПб.: Наука, 1998. – 577 с.
3. Мамардашвили М.К. Проблема человека в философии // О человеческом в человеке: Сборник / Ред. И.Т. Фролов. – М.: Политиздат, 1991. – С. 8–22.
4. Моторина Л.Е. Антропометрическая компонента научного познания // Методология научного познания: Аэрокосмический контекст. – М.: МАИ, 2015. – С. 120–121.
5. Моторина Л.Е. Философская антропология: Учебник для вузов. – М.: Академический проект, 2009. – 270 с.
6. Самохвалова В.И. Контурь постдействительности // Полигнозис. – М., 1999. – № 2. – С. 20–38.
7. Хоружий С.С. Проблема постчеловека или трансформативная антропология глазами синергийной антропологии // Философские науки. – М., 2008. – № 2. – С. 10–31.

Идея сверхчеловека в современном мире

В.И. Самохвалова

Проблема сверхчеловека включает в себя рассмотрение возможных путей развития человека, его самоосуществления в направлении реализации всей полноты его способностей, возможностей, представлений об идеале. В то же время это и способ рассмотрения совокупности возможных подходов к пониманию актуальных проблем бытия и человека, адекватного миру и необходимого для его развития.

Ключевые слова: сверхчеловек; самоосуществление; актуальные проблемы современного мира; выбор путей развития.

Statement of problem of the superhuman (sverchelovek) is a way to consider a question of what has to be thought the true human being in his authentic interpretation, in completeness of his human self-implementation. This is actual problem of modern culture, of modern world, because it is the choice of ways of future indispensable development of the human, society, of the world in general.

Keywords: superhuman; human self-implementation; actual problem of modern world; the choice of ways of future indispensable development.

Современный мир переживает пору как глубоких изменений в структурном отношении, так и трансформаций в сфере общественного сознания и общественных отношений, в способе понимания человека, который адекватен миру и потребен для общества. Как в таком изменчивом и неустойчивом мире, где порой особо подчеркивается готовность отказаться от традиционных ценностей и норм, от привычных представлений и принятых форм организации жизни, должен чувствовать себя человек – при всем *выравнивающим* воздействии современного образа жизни порой сохраняющий некоторые разделения, различия, спецификации: культурные, возрастные, образовательные, имущественные, социальные и т.п.? Что в условиях современного противоречивого бытия общественного человека происходит с его внутренним миром (и в нем самом), как формируется его восприятие внешнего мира, с его темпом изменений и их содержанием? «На высоте» ли оказывается (или остается) здесь человек? Как он видит сам себя, кем себя считает и каким *хочет* себя видеть?

Вопрос представляется чрезвычайно важным, поскольку ответ на него может означать выбор перспективы развития не только человека, но и общества, и мира. Человек есть особое существо, особое бытие, особое явление, и с ним, как известно, начинается и особый этап в развитии мира. Логика эволюционного развития человека предполагает прежде всего развитие его широко понимаемых человеческих качеств, выделивших его из мира и способных продолжать свое развитие в таком направлении, темпе и качестве, как это захочет определить сам человек. В частности, человек способен осуществить заложенный в нем высший замысел (например, воплотить божественную идею человека), он, будучи способен к высшей ответственности, осознает это как долг (или как одну из альтернатив?) и готов осуществить в себе высшего (должного) человека.

В то же время, в контексте современных реалий и настроений, волею объективных (человек вправе выбирать, насколько он согласен с этим) процессов омассовления общества произошло снижение требований в плане лучших человеческих качеств и были разбужены и актуализированы те, что казались изжитыми и даже до поры до времени никак не обнаруживали себя. Однако в обществе современных дезориентированных и потерянных (имеется в виду внутренних конфликт в результате несовпадения ожидаемого и имеющегося, не говоря уже о скучной пестроте культурного фона и безнормативности как внутреннего восприятия, так и внешнего бытия) людей они оказались стимулированы в направлении актуализации именно худшего в их душах. Востребованными оказались далеко не лучшие человеческие качества, и сам чело-

век уже начинает привыкать к себе как к человеку-функции в достаточно узко определенном контексте функционирования. Он забывает о своем человеческом призвании в мире и своей божественной душе, духовной природе (какие, однако, инородные и неактуальные понятия...), он впадает в низшие состояния своего человеческого естества, притом что в пестроте бесконечно длящегося независимо от него «спектакля», которым живет общество «распыленного зрелища», анализ и критика которого даны Ги Дебором (Дебор, 1999, с. 20–60), перестает задумываться о «высших материях». Преуспевание, деньги, быть на виду, иметь успех, разнообразный фастсекс по типу фастфуда и т.п. – убогий список сомнительных «высших ценностей» современного типичного человека. При этом на нашем ТВ интересный брютет хорошо поставленным голосом уверяет: «Ты свободен». Замечательно. Но свободен – для чего? Неужели для реализации всего этого убогого набора (выгодно продать – выгодно купить... и по новой до бесконечности...)? Современный человек, отдающий предпочтение видимости перед реальной действительностью, становится отнюдь не романтиком, а игроманом по сути и характеру, переставая уметь серьезно воспринимать даже собственную жизнь.

В контексте этого довольно унылого «пейзажа» попробуем обратиться к термину «сверхчеловек», хорошо и давно известному нам из истории развития человеческой культуры, из художественных образов героев и сверхгероев в искусстве, из представлений древних ученых и мистиков, из построений философов разных направлений и пониманий феномена человека. Что может в *настоящее* время означать подобный термин – особую реальность, особое понимание пути и назначения человека, особое видение содержания и цели самого человеческого развития – или, наконец, обозначать совокупность проблем, встающих перед современным человечеством, которое надеялось бы сохраниться и выжить в Космосе через осознание подобной проблемности и сознательного и целенаправленного построения *идеального* человеческого существа, которое сможет *пожелать и посметь* осуществить извечные человеческие мечты о достойной человека жизни, о победе духа и разума над смертью, об истинном бессмертии *человека-творца*, создающего новую реальность добра и справедливости для Космоса?

В то же время, конечно, выбор данной темы для *современного* дискурса может показаться непонятным, неуместно-несвоевременным и т.п., ибо не говоря уже о наличии некоторой неоднозначной репутации у самого этого понятия и наличии неких его тенденциозных толкований, оно еще представляется и сомнительным по содержанию, и даже вызывающим: о каком сверхчеловеке можно говорить в *современном* обществе, в контексте *современной* культуры, когда общество в большинстве своем не только представляет собой слабо структурированную толпу анонимно-безликих, одинаковых массовых людей, но и подчеркивает некую свою идейную «флэшмобность», т.е. способность к бесцельным и бездумным акциям в толпе.

Современная жизнь при всей ее внешней заполненности порождает ощущение пустоты, отсутствие перспективы реального движения и изменения, человек движется в замкнутом круге утомительных, но практически не значимых дел и обязанностей. И действительно, наше время, некоторыми уже не без основания называемое *безвременьем*, в самом деле может показаться не самым удачным моментом для постановки проблемы сверхчеловека (даже вне зависимости от способа трактовки); однако при этом становится уже очевидным, что это момент – уже более неотодвигаемый, когда становится просто необходимо говорить о человеке, о самом содержании, смысле и потенциале этого понятия, о смысле и перспективах самого человеческого бытия. Если, конечно, мы хотим сохраниться *людьми* в бытии мира...

Действительно, возможно, что ныне, как это уже бывало неоднократно в истории человечества, мы оказались перед важнейшей проблемой принципиального определения пути своего дальнейшего развития. Ведь ныне все чаще – и опять же не без основания – говорят уже о постчеловеке (Самохвалова, 1999, с. 20–27), о последнем человеке, о человеке трансгуманизма, даже об *исчезновении* человека (Hardison, 1990, с. 5). В полемическом контексте говорят о человеке – в его идентичности, в его традиционно понимаемой полноте – как об *ухо-*

дящей натуре. Во всяком случае, как о фигуре сомнительной (по ее бытию, возможности, даже самой надобности в ней), необязательной, даже в некотором смысле излишней, которая просто растекается в современном информационном контексте; будучи дисперсирована в окружающий «Интернет вещей», становится как бы ненужной (в своих прежних целезадающих функциях и познавательных возможностях) в современной умной *бесчеловеческой* среде со все более определенно оформляющимся всепронизывающим среду безличным «фоновым интеллектом». Коротко говоря, мы наблюдаем, что прежняя идея сверхчеловека – пусть неоднозначно понимаемая, толкуемая и порою воплощаемая – реально трансформируется в действительно некоего массового пост-человека. Постчеловека – потому что его покинули вера в добро, в принципы, в ценности, в должное, в устремленность к лучшему и высшему, в желание и возможность развития: все то, без чего нет собственно *человека* как такового. Который, если мы помним, некогда «звучал гордо», будучи указанием на должного человека, а девизом его были слова известного Сани Григорьева из «Двух капитанов», звучащие как пароль: бороться и искать, найти и не сдаваться.

Возвращаясь к современной реальности, к наличествующему в ней на настоящий момент человеку, нельзя не отметить в его настроениях и в самом духе современного искусства некое ощущение пустоты, отстраненности, даже обреченности, в контексте разговоров о *самоеволюционирующей* (как бы без участия человека) технике, о характере современного творчества, когда человеческое участие в нем начинает сводиться к построению общей схемы развития сюжета, все остальное же возлагается на так называемые машины-доводчики; Ж. Бодрийяр, в частности, говорит, что в эпоху Интернета творческий труд заменяется легким делом поиска готовых решений на «складе» Интернета (Бодрийяр, 2000, с. 45, 171). Сохранить нормальное самоощущение в полноте человеческих качеств может действительно только тот, кто уже истинно *по-своему*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.